

НОРМАЛЬНАЯ СТРАНА*

Андрей Шлейфер, Даниель Трейсман**

Резюме

В 1990-е гг. Россия пережила поразительную трансформацию, включившую превращение коммунистической диктатуры в многопартийную демократию, централизованной плановой экономики – в рыночную, воинственного соперника Запада – в партнера по сотрудничеству. Несмотря на это, в 2000 г. в Соединенных Штатах преваляло мнение, что Россия потерпела ужасную и угрожающую неудачу и что 1990-е гг. стали десятилетней катастрофой для ее граждан. Анализируя множество экономических и политических данных, мы демонстрируем существование серьезных расхождений между подобными представлениями и реальными фактами. Вопреки общепринятому мнению к концу 1990-х гг. Россия стала типичной капиталистической демократической страной со средним уровнем дохода на душу населения.

Классификация JEL: P21, P26, P27, P3

Ключевые слова: переходный период, рыночная экономика, демократия, Россия

1. ВВЕДЕНИЕ

В 1990-е гг. Россия пережила поразительную трансформацию. В политическом плане произошло превращение коммунистической диктатуры в многопартийную демократию, в рамках которой руководство страны избирается в ходе регулярных выборов. Централизованную плановую экономику сменил капиталистический порядок, основанный на рыночных отношениях и частной собственности. Россия осуществила мирный вывод своих войск из стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза, позволив последним обрести статус независимых государств. Вместо агрессивного соперника с тысячами направленных на него ядерных ракет Запад получил партнера, готового к сотрудничеству по вопросам разоружения, борьбы с терроризмом и прекращения гражданских войн.

Такое преобразование России, по-видимому, следует только приветствовать. Двадцать лет назад только наивный идеалист мог ожидать, что «империя зла» так быстро и мирно превратится во вполне демократичес-

* Shleifer, A., Treisman, D. (2003) A Normal Country, *HIER Discussion Paper*, 2019, October.
© Shleifer, Treisman, 2004

** Андрей Шлейфер – профессор Гарвардского университета (г. Кембридж, США), e-mail: ashleifer@harvard.edu; Даниель Трейсман – профессор Калифорнийского университета (г. Лос-Анджелес, США), e-mail: treisman@polisci.ucla.edu. Авторы выражают благодарность Андерсу Ослунду, Оливеру Бланшару, Максиму Бойко, Дэвиду Катлеру, Мартину Фелдстайну, Сергею Гуриеву, Стэфену Хансону, Саймону Джонсону, Дэвиду Лэйбсону, Дуайту Перкинсу, Лоуренсу Саммерсу, Джудит Торнтон, Екатерине Журавской и участникам семинара, прошедшего в Вашингтонском университете.

кого капиталистического союзника Запада. Однако в начале нового столетия выяснилось, что праздновать особенно нечего. В Соединенных Штатах преваляло мнение о том, что Россия потерпела ужасную неудачу и что 1990-е гг. стали десятилетней катастрофой для ее граждан. Большинство журналистов, политиков и ученых рассматривали Россию не как страну со средним уровнем дохода на душу населения, старающуюся избавиться от пережитков коммунистического прошлого и найти свое место в мире, а как лежащее в руинах государство, населенное криминальными элементами и представляющее собой угрозу для других стран как рассадник многих социальных недугов.

В Вашингтоне в таком мнении были единодушны и левые, и правые. Дик Арми, в то время лидер республиканского большинства в Палате представителей, заявил, что к 1999 г. Россия превратилась в «разграбленную и обанкротившуюся зону ядерной анархии»¹. Его коллега, председатель Банковского комитета Джеймс Лич, охарактеризовал Россию как «наиболее разнузданную клептократию в мире», более коррумпированную, чем Заир во времена Мобуту.² Со стороны левых социалист Бернар Сандерс, член Конгресса США от штата Вермонт, изобразил функционирование экономики России в 1990-е гг. как «трагедию исторического масштаба». Результатом десятилетия реформ в стране стали лишь «экономическая разруха», «массовая безработица» и «крайняя нищета»³.

На чем основываются подобные мрачные взгляды на трансформацию России? Были ли условия в стране столь плохими, как это утверждали критики? Действительно ли экономика России пережила в 1990-е гг. катастрофический спад? Была ли ее политическая система действительно недемократичной, средства массовой информации – несвободными, а коррупция – широко распространенной? Если нет, то почему так много вполне разумных наблюдателей разделяли подобную точку зрения? В данной статье мы попытались ответить на эти вопросы. Мы изучали данные по экономическому росту, макроэкономической стабильности, неравенству распределения доходов, финансам предприятий, состоянию здоровья, отчеты о мониторинге за выборами и ситуации со свободой прессы, а также опросы бизнесменов и жертв правонарушений.

Мы обнаружили существование серьезных расхождений между широко распространенными представлениями и реальными фактами. Хотя переходный процесс оказался для России во многом болезненным, страна все же достигла значительного экономического и социального прогресса. В 1990-е гг. Россия вошла, имея глубоко деформированную, разваливающуюся централизованную плановую экономику, испытывая острый дефи-

¹ См. веб-сайт офиса лидера большинства в Палате представителей по адресу <http://www.freedom.gov>.

² Leach (1999); Палата представителей Конгресса США, Комитет по банковской и финансовой деятельности, «Вступительное слово члена Палаты представителей Джеймса Лича», 21 сентября 1999 г.

³ Палата представителей Конгресса США, офис Бернара Сандерса, 10 сентября 1998 г.

цит потребительских товаров и неся тяжелое бремя военных расходов. К концу десятилетия она превратилась в нормальную капиталистическую страну со средним уровнем дохода на душу населения, в которой большинство товаров и услуг продаются частными фирмами потребителям, сталкивающимся с богатством выбора. Несмотря на то что первоначально экономические показатели упали, к 2003 г. все или почти все из них вновь начали расти. В политическом плане Россия за десятилетие проделала путь от репрессивной диктатуры Коммунистической партии и спецслужб к обществу, в котором политические лидеры избираются путем в целом свободных – пусть и несовершенных – выборов, граждане могут безбоязненно высказывать свое мнение, а количество зарегистрированных политических партий больше семисот.

Экономическая и политическая системы России по-прежнему далеки от совершенства. Однако их недостатки являются типичными для стран, находящихся на данном уровне экономического развития. Как в 1990 г., так и в 2003 г. Россия была страной со средним уровнем доходов, ВВП которой составлял около 8000 долл. на душу населения по паритету покупательной способности, что сопоставимо с уровнем Аргентины в 1991 г. и Мексики в 1999 г.⁴ В странах с подобным уровнем доходов демократия далека от совершенства, если она вообще имеет там место. Правительства этих стран страдают от коррупции, пресса практически никогда не бывает полностью независимой. Для большинства стран характерны также существенное неравенство распределения доходов, концентрация корпоративной собственности и изменчивость макроэкономических показателей. В этом плане Россия является вполне нормальной страной. К тому же общие недостатки капиталистических демократических стран со средним уровнем дохода на душу населения не являются непреодолимым препятствием на пути дальнейшего экономического и политического развития – в противном случае страны Западной Европы и США по-прежнему оставались бы в XIX в.

В таком случае, откуда же взялось широко распространенное изображение России как единственной в своем роде угрожающей зоны бедствия? Мы полагаем, что формированию этого взгляда способствовало множество общих заблуждений, частично справедливых утверждений и преднамеренных преувеличений в сочетании с воображением населения. Некоторые из них возникли достаточно спонтанно, другие распространялись некоторыми интеллектуалами, а остальные появились и использовались для достижения политических целей. Вместе взятые, эти подкрепляющие друг друга неадекватные представления сформировали образ России, который напоминает отражение в кривом зеркале, – черты узнаваемы, но пропорции искажены. Чтобы увидеть четкое изображение России, необходимо обратиться к фактам.

⁴ Указанные оценки основаны на последних данных «Проекта международных сопоставлений» Организации объединенных наций, которые обсуждаются ниже.

2. РОССИЯ ПОСЛЕ КОММУНИЗМА

В июне 1991 г. Борис Ельцин стал первым всенародно избранным президентом России. В декабре того же года, после провала августовского путча, организованного сторонниками жесткой линии Коммунистической партии, Ельцин согласился с руководством Украины и Беларуси распустить Советский Союз, что позволило России обрести статус независимого государства. Возвышение Ельцина произошло после нескольких лет частичных реформ при последнем советском руководителе Михаиле Горбачеве. Предшествующие два года были периодом падения объемов производства, усугубления дефицита и боязни полного экономического и политического краха. В 1989 г. граждане тратили в среднем 40–68 часов в месяц, простаивая в очередях. В апреле 1991 г. «лишь 12% респондентов, согласно данным национального опроса, указали, что они видели мясо в государственных магазинах» и лишь 8% видели масло (Agon (2002)). Осенью 1991 г. CNN предсказала неминуемое наступление голода предстоящей зимой.

Ельцин незамедлительно назначил правительство реформаторов во главе с Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом, ответственным за проведение приватизации. В последующие три года правительство осуществляло радикальную трансформацию экономики. В январе 1992 г. большинство цен было либерализовано. Очереди исчезли и товары вновь появились в магазинах. В течение года правительство разработало программу массовой приватизации, которая затем была осуществлена в период между декабрем 1992 и июлем 1994 гг. Посредством данной программы акции большинства предприятий были переданы государством в собственность руководства, работников этих предприятий и простых граждан. К середине 1994 г. почти 70% экономики России находилось в частных руках. В 1995 г. при Чубайсе, ответственным за координацию в сфере монетарной политики, и при помощи Международного валютного фонда Россия стабилизировала курс рубля.

Осуществление всех этих реформ оказалось чрезвычайно трудным делом. Парламент, нереформированная и хорошо организованная Коммунистическая партия и сильные группы промышленников, преследующие собственные интересы, противились практически каждой мере, и даже само правительство не могло устранить внутренние разногласия. Ельцин жертвовал одним реформатором из своего правительства за другим с тем, чтобы заручиться политической поддержкой, но это не принесло ему большей популярности.

В 1995 г. Ельцин попытался укрепить свои позиции перед президентскими выборами 1996 г., которые надеялся выиграть лидер Коммунистической партии Геннадий Зюганов. В качестве части своей политической кампании и в попытке сбалансировать бюджет Ельцин согласился на программу «Кредиты в обмен на акции», посредством которой некоторые ценные предприятия по добыче природных ресурсов были

переданы существовавшим финансово-промышленным группам в обмен на кредиты правительству. Данная программа ускорила консолидацию в российской экономике нескольких крупных финансово-промышленных групп, возглавляемых так называемыми «олигархами», которые приобрели большое политическое и экономическое влияние. Помимо финансирования предвыборной кампании, эти бизнесмены оказали Ельцину помощь посредством благожелательной подачи его образа на телевидении и в других средствах массовой информации, которые они контролировали.

Несмотря на перенесенный инфаркт, который был скрыт от избирателей, Ельцин вернулся на политическую арену, чтобы выиграть президентские выборы и остаться в должности на второй срок. Он осуществил цель своей жизни – не допустить прихода коммунистов к власти в России. Тем не менее, он по-прежнему оставался больным человеком, не пользующимся поддержкой политиков и населения и уделяющим меньше, чем прежде, внимания экономической политике. В последующие годы значительная часть его усилий была направлена на поиск преемника. Политический кризис усложнил для правительства сбор налогов. Вследствие обвала цен на нефть в 1997–1998 гг. доходы федерального бюджета резко сократились, а паника на финансовых рынках, начавшаяся в странах Восточной Азии, перекинулась и на Россию. Финансовый кризис привел к отказу платить по долгам, резкому обесценению рубля и, несмотря на это и вопреки ожиданиям некоторых знатоков, к быстрому восстановлению экономики.

В течение этого периода внешняя и оборонная политика Ельцина была в равной степени радикальной. Он уменьшил расходы на оборону почти на 90%, в сотрудничестве с Соединенными Штатами произвел значительное сокращение арсенала ядерного оружия, согласился на расширение НАТО и участвовал в предпринимаемых под руководством США усилиях по прекращению гражданской войны в бывшей Югославии. Однако наряду с этим в 1990-е гг. Россия проводила агрессивную военную кампанию против повстанцев в Чечне, которая привела к десяткам тысячам жертв.

В конце концов, Ельцин нашел себе преемника – Владимира Путина – которого в 1999 г. он назначил премьер-министром. 1 января 2000 г. Ельцин подал в отставку и Путин стал действующим президентом, впоследствии, в марте того же года, выиграв президентские выборы. В последующие три года экономика России росла быстрыми темпами, чему способствовали резкое повышение цен на нефть и продолжающиеся выгоды от обесценения рубля. К 2003 г. российское правительство осуществляло денежные заимствования на мировых рынках на длительные сроки по ставке около 7% годовых, что указывало на значительное доверие инвесторов. Большинство прогнозов относительно экономического роста в России были весьма оптимистичными.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КАТАКЛИЗМ?

3.1. «Обвал» производства

В начале переходного периода Россия была страной со средним уровнем дохода на душу населения. С 1990-х гг. в рамках «Проекта международных сопоставлений» Организации объединенных наций осуществлялись сопоставимые оценки уровня доходов для большого числа стран. Последние данные ООН показывают, что в 1989 г. – до спада деловой активности в последние два года пребывания Горбачева у власти – ВВП на душу населения составлял в России 8210 долл.⁵

По оценкам ООН, пятью странами, находившимися в 1989 г. несколько ниже России, были Антигуа, Южная Корея, Украина, Аргентина и Эстония. Пять стран, находившиеся несколько выше России, – это Латвия, Оман, Венгрия, Словакия и ЮАР. Россия находилась впереди Мексики и Бразилии, но на 30–50% отставала от наиболее бедных стран Западной Европы, таких как Португалия, Греция и Испания. В 1989 г. ВВП на душу населения в России составлял менее половины от уровня Франции или Италии и около одной трети от уровня США. Различные оценки объема потребления до начала реформ также дают цифру от четверти до одной трети уровня Соединенных Штатов. Хотя Россия ни в коем случае не была бедной страной, в начале переходного периода она сильно отставала от промышленно развитых стран.

То, что объемы производства в России катастрофически упали в 1990-е гг., общепризнанно. В одном из отчетов, подготовленных для Палаты общин Великобритании в 1998 г., утверждалось, что уровень жизни в России «впервые опустился до показателей первых послевоенных лет» (Ware (1998)). Согласно официальным данным Госкомстата, за период с 1991, когда Горбачев покинул свой пост, по 2001 гг. ВВП на душу населения в России сократился в реальном выражении на 24%.⁶ С 1991 по 1998 гг., до возобновления роста, падение ВВП, по официальным данным, составило 39%.

Однако три причины заставляют думать о том, что российская экономика в 1990-е гг. на самом деле функционировала гораздо лучше. Во-первых, подавляющая часть объемов производства в Советском Союзе приходилась на продукцию военного назначения, незавершенные строительные объекты и не пользовавшиеся спросом потребительские товары низкого качества. В начале 1990-х гг. военные расходы значительно со-

⁵ К 1991 г., когда Горбачев покинул свой пост, он упал до 7780 долл.

⁶ Мы использовали данные по динамике реального ВВП в 1990–1995 гг. из сборника «Российский статистический ежегодник 2001» и более новые скорректированные данные за последующие годы с сайта Госкомстата России (<http://www.gks.ru/scripts/free/1c.exe?XXXXX19F.2.1/000040R>). Корректировка с учетом изменения населения производилась с использованием данных из сборников «Российский статистический ежегодник 2001» и «Россия в цифрах 2002».

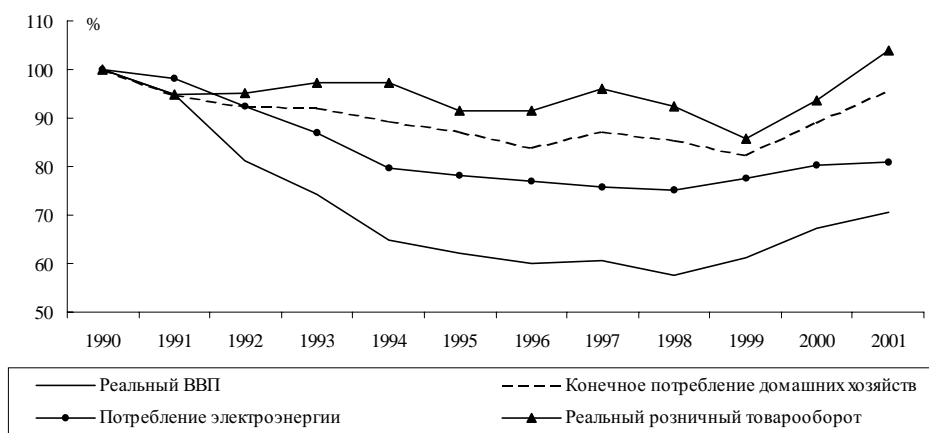
кратились. В условиях рыночной системы фирмам также не было смысла производить потребительские товары, которые они не смогут продать. Сокращение подобного ненужного производства негативно отразилось на объеме ВВП в краткосрочном периоде, но способствовало фактическому росту экономического благосостояния. Кроме того, известно, что большинство представленных показателей объемов производства были фиктивными. С целью получения премий руководители предприятий регулярно завышали производственные показатели. С упразднением централизованного планирования стимул для подобных искажений исчез; наоборот, теперь у руководителей предприятий появилась заинтересованность в *занижении* объемов производства с тем, чтобы уменьшить налоговые обязательства. Таким образом, реальная оценка ВВП на душу населения в России в 1989 г. должна быть значительно ниже данных официальной статистики, а последующий спад производства должен быть меньшим (Aslund (2002)).

Во-вторых, в 1990-х гг. в России наблюдался быстрый рост неофициальной экономики. Оценить масштабы неофициальной экономической деятельности непросто. Одним из общепринятых методов измерения темпов роста всей экономики – как официальной, так и неофициальной части – является использование такого показателя, как потребление электроэнергии, на том основании, что ее должна потреблять даже неофициальная экономика (Johnson, Kaufmann, and Shleifer (1997)). Рис. 1 показывает изменение реального ВВП в России, согласно официальным данным, в период с 1990 по 2001 гг. наряду с данными по потреблению электроэнергии. Хотя, по официальным данным, объем ВВП за этот период снизился на 29%, потребление электроэнергии сократилось на 19%. Это указывает на то, что сокращение объемов производства в России в 1990-е гг. было не столь резким, как это показывают официальные данные.⁷ Поскольку в рыночных условиях фирмы, вероятно, используют электроэнергию более рационально, даже данный показатель сокращения потребления электроэнергии, по всей видимости, преувеличивает реальный спад производства.

В-третьих, другие статистические данные указывают на то, что средний уровень жизни снизился за десятилетие незначительно, а в некоторых важных аспектах даже повысился. Объем розничной торговли (в постоянных ценах) вырос за период с 1990 по 2001 гг. на 4% (рис. 1). Согласно данным Госкомстата, конечное потребление домашних хозяйств

⁷ Эти данные показывают изменение ВВП, а не ВВП на душу населения. Госкомстат периодически корректирует свои данные по ВВП с тем, чтобы учесть неофициальный выпуск. В середине 1990-х гг. он добавил 25%, а позднее снизил эту цифру до 20%. Тот факт, что потребление электроэнергии до сих пор сокращалось гораздо более медленными темпами, чем показатель ВВП на душу населения, рассчитываемый Госкомстатом, указывает на то, что или предприятия начали использовать намного больше электроэнергии – что маловероятно, учитывая их чрезвычайную расточительность, унаследованную от советского периода, – или неофициальный сектор экономики рос значительно более быстрыми темпами, чем это предполагает Госкомстат.

(в постоянных ценах) сократилось за 1990–2001 гг. всего лишь на 4%. Средняя жилая площадь на одного человека увеличилась с 16 кв. м в 1990 г. до 19 кв. м в 2000 г.⁸ Количество россиян, выезжающих за границу в качестве туристов, возросло с 1.6 млн человек в 1993 г. до 4.3 млн в 2000 г. Также вырос в период с 1991 по 2000 гг. удельный вес домашних хозяйств, имеющих радиоприемники, телевизоры, магнитофоны, холодильники, стиральные машины и пылесосы. Количество личных автомобилей удвоилось, увеличившись с 14 автомобилей на 100 семей в 1991 г. до 27 в 2000 г. При этом существенный рост показателей отмечен не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и практически во всех регионах России (Госкомстат России (2001), 193–194).

Примечание. Данные по потреблению электроэнергии за 2001 г. являются предварительными, рассчитанными на основе показателей объемов производства и экспорта электроэнергии.
Источник: данные Госкомстата России.

Рис. 1. Показатели экономической динамики России, 1990–2001 гг.

К этим цифрам необходимо подходить осторожно, поскольку неравенство распределения доходов и неравенство в сфере потребления в России, несомненно, возросло (см. ниже). Но ряд показателей свидетельствует также о положительных сдвигах даже на самых нижних ступенях социальной лестницы. С 1993 г. (первый год, за который имеются полные статистические данные) удельный вес жилых помещений, оснащенных водопроводом, увеличился в России с 66 до 73%, в том числе с подачей горячей воды – с 51 до 59% и подключенных к системе центрального отопления – с 64 до 73% (Госкомстат России (2001), 201). С 1990 г. удельный вес квартир с телефонами вырос с 30 до 49% (Госкомстат России (2001), 468).

⁸ Госкомстат России (2001), 200. Общая жилая площадь увеличилась почти на 15%. К концу десятилетия в собственности граждан находилось 58% этой площади по сравнению с 26% в начале.

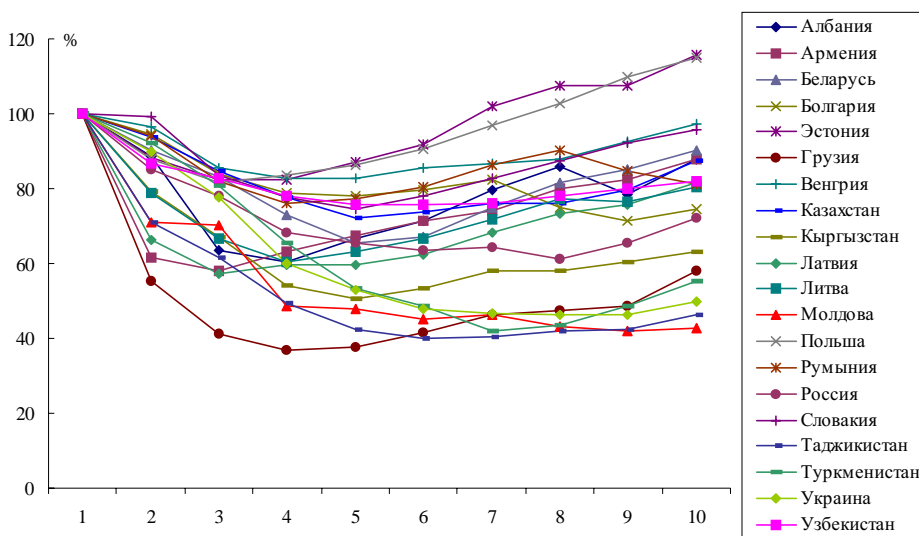
При более внимательном взгляде на рис. 1 также возникают сомнения относительно некоторых широко распространенных аргументов о причинах спада в российской экономике. Согласно одной теории, причиной экономического спада явилась программа приватизации в целом и схема «Кредиты в обмен на акции» в частности (Goldman (2003)). Как показывает рис. 1, согласно официальным данным падение ВВП и потребления электроэнергии пришлось в основном на период до 1994 г., то есть до завершения значительной части программы массовой приватизации и даже до разработки программы «Кредиты в обмен на акции». После 1994 г., когда стали появляться первые результаты приватизации, спад в российской экономике замедлился, а с 1999 г. начался стремительный подъем.

Для понимания функционирования российской экономики в 1990-е гг. полезно также сравнить ее с другими посткоммунистическими странами (рис. 2 и табл. 1). Подобное сравнение выявляет два факта. Во-первых, согласно официальным данным объем производства сократился во всех без исключения посткоммунистических странах Восточной Европы и республиках бывшего Советского Союза. Он сократился и в новых демократиях, таких как Россия и Польша, и в странах, до сих пор остающихся диктатурами, таких как Беларусь и Таджикистан; в странах, быстро продвигающихся по пути реформ, таких как Чехия и Венгрия, и там, где этот процесс идет очень медленно – в Украине и Узбекистане. Универсальный характер данного спада предполагает наличие общей причины. Одним из вариантов является повсеместное сокращение военного и экономически необоснованного производства, объемы которого прежде учитывались при расчете ВВП. Другим является временный развал и дезорганизация, с которыми столкнулись все страны при распаде плановой системы.⁹ В соответствии с этими двумя объяснениями по истечении ряда лет официально зарегистрированный показатель объемов производства постепенно начал расти практически во всех странах.

Во-вторых, масштабы падения объемов производства были больше в одних странах по сравнению с другими. В целом они были больше в странах Восточной Европы и государствах Балтии, чем в других республиках бывшего Советского Союза. Согласно официальным данным, масштабы падения объемов производства в России оказались несколько ниже среднего показателя для 14 республик бывшего Советского Союза, по которым имеются данные. Среди трех республик с уровнем дохода, первоначально наиболее близким к России, экономика Эстонии (с ее тесными связями с Финляндией) выросла на 13% за первое десятилетие переходного периода, экономика Латвии (без подобных связей) пережила 15%-й спад, а спад в экономике Украины составил 45%. Сравнение с Украиной является особенно поучительным. До начала переходного периода Украина имела большую численность населения (около 52 млн человек), промышленно развитую экономику, значительные природные ресурсы и схо-

⁹ См. Murphy, Shleifer, and Vishny (1992); Blanchard, Kremer (1997).

жую с Россией «культуру». В отличие от России там сохранилось прежнее коммунистическое руководство, хотя и под новым названием, и реформы проводились более осторожно при сохранении намного большей доли экономики в руках государства. Тем не менее официально зарегистрированный спад производства почти в два раза превысил показатели России.

Примечание. Для стран Восточной Европы первым годом переходного периода является 1989 г., для республик бывшего Советского Союза – 1991 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка.

Рис. 2. Динамика реального ВВП на душу населения в посткоммунистических странах за первые десять лет переходного периода

Таблица 1

Динамика реального ВВП на душу населения за десять лет переходного периода, %

Восточная Европа, 1989–1999 гг.		Бывшие республики Советского Союза, 1991–2001 гг.	
Польша	41 ¹	Эстония	13
Словения	21 ¹	Казахстан	-2
Чехия	2 ¹	Беларусь	-4
Венгрия	2	Узбекистан	-14
Словакия	-3	Латвия	-15
Албания	-3	Литва	-18
Хорватия	-5 ¹	Армения	-20
Македония	-8 ¹	Россия	-25
Румыния	-20	Кыргызстан	-31
Болгария	-22	Туркменистан	-32
		Украина	-45
		Грузия	-49
		Молдова	-55
		Таджикистан	-60
		Азербайджан	-

¹ 1990–2000 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных Всемирного банка.

Тенденции, представленные на рис. 2 и в табл. 1, ставят под сомнение другую широко распространенную теорию спада производства. Некоторые утверждают, что чрезмерно высокие темпы реформирования усугубили спад, и приводят в качестве контрпримера российской «шоковой терапии» китайскую «градуалистскую» экономическую политику. В действительности очевидной связи между скоростью реформ и изменением официально измеренного выпуска в странах Восточной Европы и республиках бывшего Советского Союза нет. Среди стран, которые согласно официальным данным пережили наименьший спад, есть как быстро реформирующиеся (Эстония, Польша, Чехия), так и медленно или совсем не реформирующиеся (Беларусь, Узбекистан), очевидно, сохранившие неэффективную диктатуру и централизованное планирование (или, вероятно, унаследованные статистические искажения). Страны, которые пережили наибольший спад, также включают как отказавшиеся от реформ страны (Таджикистан, Туркменистан), так и некоторые из тех, где реформы пытались осуществить (Молдова).¹⁰

Если рассматривать с этой точки зрения, то экономика России функционировала приблизительно так, как можно было ожидать. Наш основной вывод заключается в том, что реальный спад производства в период между 1990 и 2001 гг. был небольшим и что, по всей вероятности, после двух лет быстрого экономического роста к 2003 г. был практически достигнут первоначальный объем производства (Aslund (2003)). Принимая во внимание искаженный спрос, завышенные отчетные показатели и бесполезность большей части продукции, производившейся до начала реформ, вполне вероятно, что на сегодняшний день благосостояние россиян в среднем существенно выросло по сравнению с 1990 г.

3.2. Финансовые кризисы

1990-е гг. стали для России десятилетием сильных макроэкономических потрясений. С декабря 1991 по декабрь 2001 гг. стоимость рубля по отношению к доллару снизилась более чем на 99%. По прошествии трех лет после того, как властям удалось стабилизировать инфляцию в 1995 г., кризис, спровоцированный спекулянтами, привел к прорыву обороны Центрального банка. Когда правительство девальвировало рубль и объявило мораторий на выплату внешних долгов, многие наблюдатели увидели в этом банкротство макроэкономической политики России и в целом ее попыток осуществить экономические реформы.

В действительности подобные финансовые кризисы – весьма распространенное явление в странах, стремящихся к созданию рыночной экономики. Снижение стоимости рубля на 99% звучит удручающе, но в 11

¹⁰ Качество статистики, вероятно, варьируется по этим странам, делая сопоставления приблизительно. Кроме того, Таджикистан, Грузия, Армения, Азербайджан и Молдова пострадали от гражданских войн (как и Россия в конфликте с Чечней).

других странах, включая Бразилию, Турцию, Украину и Беларусь, обменный курс упал в 1990-х гг. еще больше. В 1980-е гг. такое обесценение валюты было еще более частым явлением. Наибольшее падение было зафиксировано в Перу, Аргентине, Боливии, Бразилии, Уругвае, Никарагуа, Вьетнаме, Ливане и даже в Польше, которая впоследствии рассматривалась как страна, осуществившая наиболее успешный переход от социализма к капитализму.¹¹

В ходе российского кризиса 1998 г. за два месяца – август и сентябрь – курс рубля упал на 61%. Но в течение десятилетия, с января 1992 по декабрь 2001 гг., подобные или еще большие падения обменного курса продолжительностью два месяца случались в общей сложности 34 раза в 20 странах¹². Крах в России не был изолированным явлением: он произошел в разгар волны аналогичных валютных кризисов, прокатившейся от Таиланда и Индонезии до Бразилии и Турции. И его последствия оказались гораздо менее тяжелыми, чем утверждалось в то время. В действительности за девальвацией последовал продолжительный период быстрого роста и еще более энергичных попыток проведения либеральных экономических реформ.

3.3. Экономическое неравенство

Очень часто утверждается, что способ проведения экономических реформ в России усугубил экономическое неравенство. Основная вина за это обычно возлагается на приватизацию. В 1999 г. эксперты Европейского банка реконструкции и развития писали, что «в рамках схемы “Кредиты в обмен на акции”, реализованной в 1995 г., многие ключевые добывающие предприятия перешли в руки небольшой группы финансистов, так называемых “олигархов”. Это привело к очень резкому увеличению неравенства распределения богатства и доходов – к 1997 г. коэффициент Джини по доходам составлял в России около 0.5» (EBRD (1999), 110).

Действительно, со времени падения коммунизма неравенство в России резко *возросло*. Существуют некоторые сомнения относительно точности цифр, но сама тенденция является бесспорной. Согласно официальным статистическим данным, представленным Госкомстатом, коэффициент Джини по денежным доходам увеличился в России с 0.26 в 1991 г. до 0.41 в 1994 г., после чего к концу десятилетия стабилизировался на уровне около 0.40. По данным Всемирного банка, коэффициент Джини по расходам равнялся в России 0.496 в 1993 г., 0.480 в 1996 г. и 0.487 в 1998 г.¹³

¹¹ Рассчитано на основе данных Международного валютного фонда (IMF (2002)).

¹² Этими странами были Афганистан, Ангола, Армения, Беларусь, Болгария, Заир, Индонезия, Иран, Казахстан, Либерия, Молдова, Монголия, Нигерия, Руанда, Судан, Суринам, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Йемен.

¹³ См. Госкомстат России (2001), 187, а также публикации Всемирного банка «World Development Report 1997», «World Development Report 1999–2000» и «World Development Indicators 2002».

Коэффициент, рассчитанный Госкомстатом и равный 0.41, практически равен коэффициенту для США (0.408 в 1997 г.). Более высокая оценка Всемирного банка – 0.496 – приблизительно соответствует показателям Малайзии (0.492) или Филиппин (0.462) и ниже, чем показатели Гонконга (0.522), Мексики (0.531), Южной Африки (0.593) или Бразилии (0.607).

Явилась ли приватизация причиной увеличения неравенства? Загвоздка заключается в том, что рост неравенства произошел до ее проведения. Как видно из только что приведенных данных, значительное увеличение коэффициента Джини произошло в России в период с 1991 по 1993 г. Максимального значения коэффициент Джини достиг в 1994 г., еще до того, как приватизация могла дать какие-либо результаты – такие как реструктуризация или выплата дивидендов. Безработица также не является причиной увеличения неравенства. В 1992–1993 гг. уровень безработицы не превышал 6%. В период 1994–1998 гг. он вырос до 13.2%, тогда как неравенство несколько уменьшилось (Госкомстат России (2001), 133).

Бранко Миланович из Всемирного банка в начале 1990-х гг. исследовал данные по неравенству распределения доходов и пришел к выводу, что увеличение предпринимательских доходов практически не связано с ростом неравенства. Доходы частных субъектов, не являющиеся заработной платой, объясняют лишь около 13% увеличения коэффициента Джини в России в период с 1989 по 1994 гг. (Milanovic (1998), 22). 77% роста неравенства может быть объяснено увеличивающимся разрывом в уровне заработной платы. Распределение доходов в России стало более неравномерным в начале 1990-х гг. по той причине, что некоторые трудились в успешных компаниях, сумевших быстро воспользоваться преимуществами свободных цен и свободной торговли, тогда как другие продолжали работать на убыточных предприятиях и в государственном секторе. Как ни печален факт увеличения неравенства, но это всего лишь оборотная сторона рационализации экономической деятельности.

3.4. Олигархический капитализм

Часто утверждают, что экономические реформы в России способствовали возникновению небольшой группы «олигархов». Данные олигархи обвиняются в выводе активов предприятий, которые они приобрели по чрезвычайно низким ценам в рамках программы «Кредиты в обмен на акции». Считается, что вывод активов привел к сокращению инвестиций и замедлению темпов экономического роста (Stiglitz (2002); Hoff, Stiglitz (2002)).

То, что крупный бизнес в России контролируется небольшой группой магнатов, неоспоримо. В этом отношении Россия вполне типичный представитель группы, включающей практически все развивающиеся капиталистические страны. Даже в наиболее развитых странах крупнейшие фирмы находятся под контролем государства или влиятельных семейств, причем зачастую несколько таких семейств контролируют значительную часть национального производства посредством финансово-промышленных групп

(La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer (1999); Claessens, Djankov, and Lang (1999)). Это в особенности справедливо в отношении стран со средним уровнем дохода на душу населения, таких как Мексика, Бразилия, Израиль, Южная Корея, Малайзия или ЮАР, но также касается и развитых стран, таких как Италия, Сингапур и Швеция. Семьи, занятые крупным бизнесом, обязательно имеют связи в политических кругах, иногда получают кредиты и субсидии от правительства (как в Южной Корее и Италии), зачастую активно участвуют в процессе приватизации (как в Мексике и Бразилии) и достаточно регулярно занимают высокие государственные посты, сохраняя при этом связи со своими компаниями (как в Италии или Малайзии).¹⁴ После азиатского финансового кризиса подобная система политизированной собственности и контроля получила уничижительное название «блатной капитализм», несмотря на то что в некоторых странах она способствовала невиданному стремительному экономическому росту, а также, в случае Малайзии и Южной Кореи, быстрой ликвидации последствий кризиса. Подобная система собственности возникла также и в странах с переходной экономикой – от Латвии до государств Центральной Азии. Насколько можно себе представить, Россия в этом отношении является вполне нормальной страной.

А как насчет утверждения о том, что олигархи виновны в экономическом спаде? Российские олигархи, как и собственники финансово-промышленных групп во всех развивающихся, а также во многих развитых странах (вспомним американских баронов-разбойников), приобрели свое состояние частично посредством сделок с правительством. Но утверждение о том, что в России это является причиной низких темпов экономического роста, практически лишено смысла. Как уже было отмечено, наибольший спад в России пришелся на период до – а не после – того, как олигархи появились на сцене в 1995–1996 гг. За этим последовало несколько лет стагнации, а затем начался быстрый экономический рост. Компании, контролируемые олигархами, функционировали чрезвычайно эффективно и гораздо лучше, чем многие сопоставимые компании, оставшиеся под контролем государства или бывших советских руководителей. В значительной степени именно они способствовали существенному увеличению объемов производства в последние несколько лет.

Рассмотрим три наиболее громких случая. Благодаря программе «Кредиты в обмен на акции» Михаил Ходорковский приобрел контрольный пакет акций нефтяной компании «ЮКОС». Борис Березовский вместе со своим партнером Романом Абрамовичем получил контроль над компанией «Сибнефть». Владимир Потанин приобрел компанию «Норильский никель». С 1996 г. прибыль и производительность этих компаний существенно возросли, также как и стоимость акций. Их деятельность оказалась значительно более успешной, чем деятельность газового монополис-

¹⁴ В работе Faccio (2003) показано, что во многих странах мира действующие политики владеют фирмами.

та «Газпром» или электроэнергетической компании «ЕЭС России», которые остались под контролем государства, или ведущих частных компаний, таких как «Лукойл», по-прежнему возглавляемых руководством, назначенным до начала процесса приватизации.¹⁵ В период с 1996 по 2001 г. отчетная прибыль до уплаты налогов «ЮКОСа», «Сибнефти» и «Норильского никеля» увеличилась в реальном выражении в 36, 10 и 5 раз соответственно.¹⁶

Выводили ли олигархи активы из компаний, которые они приобрели в процессе приватизации, вместо того чтобы инвестировать в них? Как показано в табл. 2, подвергнутые аудиту финансовые отчеты этих компаний свидетельствуют о том, что в действительности они осуществляли инвестиции, в особенности после 1998 г. Активы «ЮКОСа» сразу же после приватизации составляли 4.7 млрд долл. К 2001 г. они увеличились до 11.4 млрд долл. Активы «Норильского никеля» в период, за который доступны данные, тоже увеличились. Активы «Сибнефти» вначале сократились, отчасти вследствие изменения методики бухгалтерского учета (который мог бы отразить вывод активов), но начиная с 1999 г. они ежегодно увеличивались. В последнее время крупные олигархи ежегодно инвестировали в свои компании сотни миллионов долларов. В 2001 г. «ЮКОС» инвестировал 945 млн долл. в имущество, помещения и оборудование, а компания «Сибнефть» осуществила капитальные затраты в размере 619 млн долл.

Таблица 2

Суммарные активы и инвестиции трех ведущих российских компаний

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
ЮКОС						
Суммарные активы, млрд долл.	4.7	5.2	5.3	6.0	10.3	11.4
Инвестиции ¹ , млн долл.				226	729	945
Сибнефть						
Суммарные активы, млрд долл.	7.6	5.6 ²	5.0	4.3	4.6	5.7
Инвестиции ³ , млн долл.			154	129	231	619
Норильский никель						
Суммарные активы, млрд долл.				6.6	7.2	7.2
Инвестиции ³ , млн долл.				168	638	449

¹ Балансовые активы сократились на 1.3 млрд долл. в связи с изменением методики бухгалтерского учета.

² Инвестиции в имущество, помещения и оборудование.

³ Капитальные затраты.

Источники: подвергнутая аудиту финансовая отчетность и годовые отчеты.

Напротив, крупнейшие скандалы, связанные с выводом активов, имели место в компаниях, оставшихся под контролем государства. Бывшее руководство «Газпрома» обвинялось в воровстве активов через сложные

¹⁵ См. Boone, Rodionov (2001).

¹⁶ Рассчитано на основе данных журнала «Эксперт» с использованием в качестве дефлятора ИПЦ.

сети торговых компаний. Государственная авиакомпания «Аэрофлот» указала в отчетности на сокращение активов за период с 1998 по 2001 г. В целом компании, приватизированные олигархами, функционировали гораздо эффективнее, чем те, которые остались под контролем государства, а некоторые олигархи обеспечили существенное *увеличение* активов своих компаний.

Из сказанного отнюдь не следует, что олигархи озабочены благополучием общества, далеки от политических интриг и защищают интересы миноритарных акционеров. Они извлекали выгоду из полюбовных сделок с правительством и в процессе усиления контроля над своими компаниями активно прибегали к тактике ущемления прав миноритарных акционеров. Защита прав инвесторов и корпоративное управление по-прежнему остаются в России слабым местом. Но и здесь Россия является типичным представителем развивающихся стран со средним уровнем дохода на душу населения: ущемление прав миноритарных акционеров является практически повсеместной практикой (Johnson et al. (2000)). Подобные проблемы, в конечном счете, способна решить правовая реформа, но она обычно происходит на более высоком уровне экономического развития, чем тот, на котором в настоящее время находится Россия.

Параллельно росту активов и инвестиций стремительно возрос интерес инвесторов к акциям крупных компаний – в особенности тех, которые в настоящее время принадлежат олигархам. Журнал «Economist» опубликовал (4 января 2003 г.) список различных инвестиций и среднегодовую прибыль от них за период 1993–2002 гг., а в случае российских акций – за период с 1995 по 2002 гг. Акции российских компаний обеспечили вторую по величине среднюю норму прибыли, уступив только лондонской недвижимости. За этот период – включивший финансовый кризис 1998 г. – российские акции обогнали показатели S&P 500, американских казначейских облигаций и фондовых рынков Великобритании, Франции, Германии, Чехии, Южной Кореи, Японии, Аргентины, Индонезии, Китая и Таиланда. И именно цены акций компаний, принадлежащих олигархам, двигали индексы вверх. С момента приватизации рыночная капитализация «ЮКОСа» и «Сибнефти» увеличилась в реальном выражении более чем в 30 раз.

В действительности утверждение о том, что олигархи приватизировали компании с целью вывода из них активов и что они препятствуют экономическому росту, приобретает диаметрально противоположный смысл. Олигархи выводили активы из контролируемых *государством* компаний с тем, чтобы купить другие компании в процессе приватизации. Фактически обеспокоенность подобным воровством у государственных компаний явилась одной из причин ускорения приватизации в 1992 г. Олигархи также пытались купить активы в процессе приватизации по максимально низким ценам, зачастую предлагая политикам взамен различные виды поддержки. Получив контроль над предприятиями, олигархи использовали различные законные – а иногда и незаконные – стратегии

увеличения своих долей собственности. Но после того как они стали полноправными собственниками, они вели себя так, как поступил бы любой другой на их месте и как это предсказывает экономическая теория: они осуществляли инвестиции с целью повышения эффективности функционирования их компаний. Именно так действовали олигархи в любой другой стране – от Дж.П. Моргана и Джона Д. Рокфеллера до Сильвио Берлускони и владельцев корейских чеболов*. И снова Россия является вполне типичной страной.

Таким образом, будучи в начале 1990-х гг. разваливающейся страной с централизованной плановой экономикой, Россия к концу десятилетия превратилась в страну с рыночной системой и быстрыми темпами экономического роста. Российская экономика – не та модель капитализма, которую можно найти во вводных курсах экономической теории. Как и другие страны со средним уровнем дохода на душу населения, Россия страдает от неравенства распределения доходов, финансовых кризисов, концентрации экономических и политических ресурсов и крупного неофициального сектора экономики. Но российская экономика не является уникальным монстром, которого прежде никто не видел за пределами Африки. Утверждать так – большое и безграмотное преувеличение.

4. АВТОКРАТИЧЕСКАЯ КЛЕПТОКРАТИЯ?

4.1. Демократия

Западные оценки российских политических институтов 1990-х гг. иногда представляются чрезмерно жесткими. В июне 2000 г. журнал «Economist» провозгласил режим Москвы «фальшивой демократией». С другой стороны, авторы журнала классифицировали Иран – страну, в которой ученым выносятся смертный приговор за инакомыслие в вопросах религии, а невыборные религиозные советы могут наложить вето на любой законодательный акт, – как «квазидемократию» (Economist (2002)). Даже обычно благоразумная правозащитная организация «Freedom House», составляющая рейтинги институтов различных стран, имела серьезные предубеждения в отношении российской политики. В 2000–2001 гг. она поставила России «5» за обеспечение политических свобод и «5» за обеспечение гражданских свобод по 7-балльной шкале, где «1» – наибольший, а «7» – наименьший балл. Таким образом, политические институты России получили более низкие оценки, чем военное правительство Бразилии в конце 1970-х гг., а состояние гражданских свобод было оценено ниже, чем в Нигерии в 1991 г. при диктатуре генерал-майора Ибрагима Бабангиды.¹⁷

* Чебол (chaebol) – название финансово-промышленных групп в Южной Корее. – Прим. перев.

¹⁷ В своем отчете по Бразилии за 1979 г. организация «Freedom House» отметила, что, несмотря на то что тюремные заключения по политическим причинам и пытки по-прежнему имели место, «атмосфера террора практически исчезла» (Gastil (1979), 215). Данное

Оценка «5» за обеспечение политических прав приравнивает Россию к авторитарной монархии Марокко. Кувейт – наследственный эмират, где политические партии находятся вне закона, женщины не имеют права голоса на выборах в законодательные органы власти, а критика эмира наказывается тюремным заключением, – получает «4» балла.

Насколько плохо в действительности *обстоят* дела с демократией в России? Несмотря на многие несовершенства, политическая система России на самом деле является более демократичной, чем практически в любой из окружающих ее стран. Лишь государства Балтии находятся, по всей видимости, на таком же или более высоком уровне. Недостатки российской демократии идентичны многим другим развивающимся странам со средним уровнем дохода на душу населения.

В период с 1991 по 2000 гг. в России шесть раз проводились общегосударственные выборы (три раза – парламентские и три раза – президентские). В каждом случае в них участвовало множество кандидатов, представляющих все оттенки политического спектра. За некоторыми исключениями партии и избирательные блоки формировались свободно, и многим из них удалось пройти регистрацию. Население принимало активное участие в выборах: явка варьировалась от 72% в 1991 г. до 55% в 1993 г. На всех общегосударственных выборах, прошедших с 1993 г., избиратели имели возможность голосовать «против всех». Количество подобных голосов никогда не превышало 4.8%.

Международные наблюдатели, несмотря на критику непропорционального освещения предвыборных программ различных кандидатов в средствах массовой информации и эпизодические нарушения, в целом оценивали эти выборы достаточно высоко.¹⁸ Эти наблюдатели могли находить

описание больше соответствует условиям в СССР при Хрущеве, чем в России при Путине. В 1991 г. в Нигерии, опять-таки, по словам самой «Freedom House», военные трибуналы несли ответственность за пресечение попыток мятежа и режим практиковал лишение свободы «невинных родственников подозреваемых в политических преступлениях лиц с тем, чтобы добиться от последних показаний» (Gastil (1992), 353). Какими бы ни были недостатки российской демократии, они все же далеки от этих.

¹⁸ Например, после парламентских выборов 1993 г. Хельсинский комитет (Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе) заявил, что, несмотря на «ряд проблем и недостатков... российские избиратели имели возможность свободного и справедливого выражения своей политической воли» (<http://www.house.gov/csce/russiaelection93.htm>). После выборов, прошедших в декабре 1995 г., Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе сообщила, что «международные наблюдатели расценивают прошедшие выборы как свободные и справедливые» (<http://www.csce.gov>). В 1996 г., несмотря на критику непропорционального освещения в прессе предвыборных программ различных кандидатов и неправомерное участие в кампании некоторых сотрудников президентской администрации, миссия ОБСЕ заявила, что, по ее мнению, результаты выборов в точности отражают предпочтения российского электората, и поздравила избирателей с «дальнейшим укреплением демократического процесса» (http://www.osce.org/odihr/documents/reports/election_reports/ru). В 1999 г. ОБСЕ, высказывая некоторые замечания, заявила, что выборы в Государственную думу «выявили значительный прогресс в деле укрепления представительной демократии в Российской Федерации», и сообщила, что избирательное законодательство «соответствует публично при-

ся под политическим давлением, направленным на недопущение критики принимающей страны, и их комментарии могли быть сверхдипломатичными. Но те же самые организации открыто критиковали выборы во многих менее демократичных странах, являющихся соседями России.¹⁹

В условиях «фальшивой демократии» можно ожидать, что официальные результаты выборов будут в точности соответствовать желаниям властей. Однако в России они зачастую шокировали политические элиты. В 1991 г. кандидат-аутсайдер Борис Ельцин обошел фаворитов Горбачева и советского коммунистического руководства и выиграл президентские выборы в России, набрав 60% голосов. В 1993 г. элиты были напуганы высокими результатами, которых добился Владимир Жириновский и его клоуны-ультранационалисты. В 1995 г. наблюдателей удивила Коммунистическая партия, набравшая больше всего голосов среди политических партий – 22%. Этот подвиг она повторила в 1999 г., набрав 24%. Правящая партия набрала только 15% в 1993 г. и 10% в 1995 г.

Несомненно, в ходе выборов в России имели место отдельные случаи фальсификации и нарушений. На региональных выборах государствен-

знаваемым демократическим принципам», обеспечивая «прочную основу для проведения организованных, плюралистических и подотчетных выборов». В заявлении отмечалось, что «практически повсеместно в отчетах временных наблюдателей работа участковых комиссий по всей стране получила высокую оценку», а процедура подсчета голосов была особо отмечена за «прозрачность, подотчетность и точность, что полностью соответствует принятым международным стандартам» (там же). И, наконец, такую же оценку со стороны международных наблюдателей получили президентские выборы 2000 г. ОБСЕ сообщила, что в целом выборы «прошли в конституционных и правовых рамках, которые соответствуют международно-признанным демократическим стандартам». Центральная избирательная комиссия «действовала эффективно в качестве независимого и профессионального органа... Современная избирательная система также обеспечила высокий уровень прозрачности для всех участников политического процесса на всех его этапах... Участковые комиссии продемонстрировали похвальную твердость при исполнении своих обязанностей обеспечения соблюдения законодательства и процедурных требований. В более чем 98% отчетов, подготовленных наблюдателями [ОБСЕ], участковые комиссии получили высокую оценку за работу в ходе проведения голосования». Процедуры подсчета голосов «обеспечили прочную основу для прозрачности, подотчетности и точности, что полностью соответствует принятым международным стандартам» (там же).

¹⁹ Президентские выборы 2000 г. в Азербайджане были расценены как случай «примитивной фальсификации». В 2000 г. в Грузии наблюдатели сообщили, что «наполнение избирательных урн поддельными бюллетенями в ходе тайного голосования... дискредитировало процесс демократизации в Грузии». В ходе президентских выборов 1999 г. в Украине ОБСЕ обнаружила «значительные нарушения процедур голосования» и «масштабную, систематическую и скоординированную кампанию государственных органов на всех уровнях по оказанию чрезмерного давления на избирателей» (<http://www.osce.org/odihr/documents/reports>). Что касается стран Южной Европы, то выборы в Хорватии в 1990–1999 гг. не были «откровенным обманом, но, тем не менее, несколько не соответствовали стандарту “свободных и справедливых” выборов, одобренному странами-участницами ОБСЕ». Парламентские выборы 2001 г. в Албании были «затянувшимися, спорными, неопределенными и фрагментированными», испорченными «серьезными недостатками процесса голосования, включая случаи наполнения избирательных урн поддельными бюллетенями» и вмешательством полиции (там же).

ные чиновники использовали различные формальные причины для снятия кандидатов, а руководители всей уровней незаконно использовали административный ресурс в кампаниях по своему переизбранию. Имелись случаи превышения лимита средств, направляемых на финансирование предвыборных кампаний. Несмотря на это, общие расходы – даже по самым грубым оценкам – были все же меньше, чем на типичных выборах в США или Бразилии. Подобные проблемы, по всей видимости, не выходят за рамки обычных нарушений, имеющих место в демократических странах со средним уровнем дохода на душу населения.²⁰

Свободные и справедливые выборы – лишь часть того, что делает режим демократичным. Многие критиковали «суперпрезидентскую» конституцию России, подготовленную назначенцами президента и принятую на референдуме в 1993 г., высокая явка на котором ставится под сомнение. Несмотря на то что это со всей очевидностью говорит о дисбалансе сил в пользу исполнительной власти, она вряд ли делает российскую политическую систему недемократичной. Особенностью российской Конституции, считающейся самой авторитарной, является право президента издавать декреты по вопросам, не охваченным законодательством. Но эти декреты могут быть отменены Государственной думой (хотя и большинством в две трети голосов, чтобы застраховаться от президентского вето) или могут быть признаны неконституционными Конституционным судом. В этом отношении Россия не сильно отличается от президентских демократий Аргентины и Бразилии.

4.2. Свобода прессы

«Freedom House» проводит ежегодный обзор ситуации со свободой прессы. По словам экспертов данной организации, они стремятся оценить степень «политического давления, контроля и принуждения, которые влияют на содержание публикаций» в средствах массовой информации, и составляют рейтинги стран по шкале от 0 (высший балл) до 40 (низший балл). В 2002 г. Россия получила 30 баллов. Это хуже рейтинга, присвоенного Ирану. В Иране, как было указано в самом отчете, в тюрьму было

²⁰ Например, в Мексике международные наблюдатели из правозащитной группы «Global Exchange» заявили после президентских выборов 2000 г., что в «большинстве районов [где работали наблюдатели] день голосования зачастую был омрачен вопиющими нарушениями избирательного законодательства. В дни, предшествующие голосованию, практика покупки голосов, принуждения и запугивания была широко распространенным явлением... Делегация слышала о множестве случаев преследований и запугивания сторонников оппозиции, в особенности в районах проживания маргиналов и бедноты». В тот же год Мексика выполнила требования, установленные журналом «Economist» для получения статуса «реальной демократии» (Economist (2000a)). В Бразилии, согласно сообщению одного из наблюдателей, «покупка голосов является обычным делом... и плодит армии избирателей, готовых продать свои голоса за тарелку фасоли» (Whitaker (2000)). Подобные наблюдения, конечно же, анекдотичны, но именно они использовались для критики России.

заключено больше журналистов, чем в какой-либо другой стране. Только с апреля 2000 г. там было закрыто 40 газет. В Иране журналистов приговаривают к длительному тюремному заключению, к 30–50 ударам плетью и запрету заниматься журналистской деятельностью в течение ряда лет.

Насколько подобное представление о свободе прессы соответствует действительности? Ситуация со свободой прессы в России критикуется по двум направлениям. Во-первых, ведущие телевизионные каналы и газеты находятся под контролем олигархов, которые используют их для реализации своих частных политических или экономических целей, включая поддержку угодных кандидатов. Во-вторых, журналисты, критикующие власти, подвергаются гонениям или запугиванию, в особенности при президенте Путине.

С точки зрения формы собственности и тенденциозности политических комментариев Россия соответствует норме как развивающихся, так и развитых стран. В работе Djankov et al. (2003) дан обзор положения с собственностью на средства массовой информации в 97 странах. В ней показано, что 92% крупнейших телевизионных каналов, радиостанций и газет в этих странах принадлежат или семьям (читай: «магнатам»), или государству. Такая ситуация была типичной практически для всех рассмотренных стран – от Бразилии, Мексики, Аргентины и Южной Кореи до Италии, Сингапура и Австралии. В среднем, семьи контролировали 57% газет и 34% телевизионных каналов. Так что российские медийные магнаты – не отклонение от нормы с точки зрения международных стандартов. Наоборот, Россия – наряду с другими посткоммунистическими странами – выделяется на фоне демократических стран со средним уровнем дохода на душу населения относительно большей долей телевизионных каналов и ведущих газет, по-прежнему находящихся в государственной собственности.

В развивающемся мире медийные магнаты в своих средствах массовой информации повсеместно дают искаженное освещение политических событий с тем, чтобы помочь угодным кандидатам, что подтверждает беглый взгляд на отчеты международных наблюдателей за выборами. Во многих странах со средним уровнем дохода на душу населения репортеры и их руководство обвиняются в тенденциозности репортажей с целью получения взяток наличными, в виде «развлечений» и привилегий в процессе приватизации средств массовой информации.²¹ В Мексике выплаты политическим обозревателям именуется чайотами* «по названию небольшого и вкусного мексиканского огурца, уместающегося на ладони руки» (New York Times (2000)). Даже в развитых странах, таких как Италия и

²¹ Данные по Аргентине и Колумбии см. в Waisbord (2000); по Южной Корее – Park, Kim, and Sohn (2000); по Мексике – New York Times (2000).

* Чайот (chayote) – грушевидный овощ с одним семенем внутри, немного похожий по вкусу на кабачок. – *Прим. перев.*

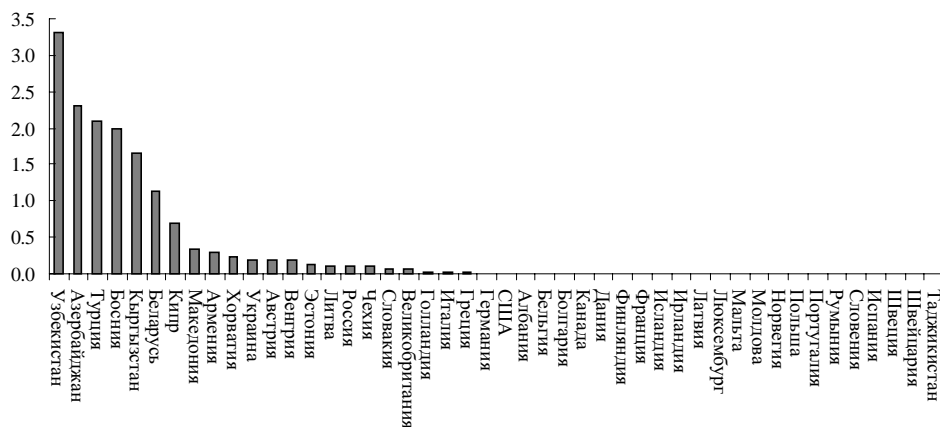
США, журналисты корректируют свои программы с учетом целей медийных магнатов, таких как Сильвио Берлускони и Руперт Мердок.

А как обстоят дела с давлением, оказываемым на прессу? Очевидно, что даже один случай – это слишком много. Но вмешательство государства в работу средств массовой информации, к сожалению, имеет место почти во всех странах со средним уровнем дохода на душу населения и даже в некоторых высокоразвитых странах. Международный институт прессы в Вене собирает данные по различным видам вмешательства государства в работу журналистов в странах ОБСЕ. Этот институт опубликовал данные за период 1999–2000 гг. Мы объединили данные о количестве случаев государственной цензуры, преследования журналистов «по закону» и заключения журналистов в тюрьму по 48 подвергнутым мониторингу странам с тем, чтобы получить индекс «вмешательства государства в работу прессы».²² В 26 из 48 стран был отмечен по меньшей мере один случай государственного вмешательства.

Каким образом следует проводить межстрановое сравнение жесткости подобных репрессий? Здесь выводы будут полностью зависеть от выбора показателя. Один из возможных вариантов – сравнение общего количества случаев государственного вмешательства в разных странах. Среди стран ОБСЕ общее количество варьировалось от 0 (для многих стран) до 121 (для Турции). По этому показателю Россия выглядит относительно неблагоприятно, занимая второе место с 30 случаями в течение двух лет. Однако сравнение количества случаев закрытия газет в стране с сотнями ежедневных газет (как в России) с таким же абсолютным показателем в стране, где их всего три (например, в Македонии), выглядит несколько сомнительным. Второй подход заключается в том, чтобы разделить количество случаев государственного вмешательства на количество средств массовой информации. Мы не смогли найти данных о количестве телевизионных каналов и радиостанций по странам, однако ЮНЕСКО публикует оценки количества ежедневных газет в разных странах мира. В середине 1990-х гг. таковых в России было 285 (плюс около 4600 газет, выходящих не каждый день). На рис. 3 показано количество случаев государственной цензуры, преследования журналистов «по закону» и заключения журналистов в тюрьму *в расчете на одну ежедневную газету* в странах ОБСЕ, подвергнутых мониторингу Международным институтом

²² Государственная цензура включает наложение запретов, конфискацию или давление, оказываемое государственными органами, а также принудительное закрытие средств массовой информации. Преследование «по закону» включает случаи, когда журналисты приговариваются к тюремному заключению или большим штрафам, в том числе случаи судебных процессов по обвинению в клевете, направленных на ограничение права журналистов свободно высказывать свою точку зрения, а также принятие ограничительного законодательства и официальный отказ или отзыв аккредитации, включая отказ или аннулирование виз или других необходимых для поездок документов. Заключение в тюрьму определяется как лишение свободы или задержание против чьей-либо воли на срок более 48 часов.

прессе.²³ По этому показателю государственного вмешательства в свободу прессы результат России лишь немного ниже среднего значения. Россия находится между Литвой и Чехией. Пятнадцать стран ОБСЕ, включая Украину, Беларусь, Турцию, Кипр и даже Австрию, имеют более низкие результаты.²⁴ В целом, ситуация с формой собственности на средства массовой информации и влиянием на них олигархов в России является вполне типичной. После 1999 г. степень государственного вмешательства в дела журналистов могла быть выше среднего значения, но она не была самой большой среди стран со средним уровнем дохода на душу населения.

Источник: данные Международного института прессы по странам ОБСЕ.

Рис. 3. Случаи государственной цензуры, преследования журналистов «по закону» и заключения журналистов в тюрьму в расчете на одну ежедневную газету, 1999–2000 гг.

²³ Этот показатель также имеет ряд недостатков. Если журналистам тайно угрожают, то это может привести к сокращению количества случаев, когда репрессивное государство фактически вынуждено вмешиваться. Но существует также и проблема с используемыми критиками российских показателей данными, отражающими давление, оказываемое на прессу. Относительные показатели, очевидно, будут все же в меньшей степени вводить в заблуждение по сравнению с абсолютными показателями.

²⁴ Не все препятствия на пути свободы прессы связаны с действиями государственных чиновников. Международный институт прессы опубликовал также данные о количестве случаев убийства или нападения на журналистов в 1999–2000 гг. Подобные данные позволяют измерить уровень опасности, с которой сталкиваются журналисты, причем не только со стороны государства, поскольку случаи насилия зачастую связаны с действиями частных лиц или ранениями, получаемыми журналистами в зонах боевых действий. Было бы желательнее делить число случаев убийства и нападения на журналистов на их общее количество в рассматриваемой стране. В отсутствие подобных данных мы рассчитали показатель числа случаев убийства и нападения на журналистов в расчете на одну ежедневную газету, исходя из предположения, что количество журналистов общенациональных газет варьируется в зависимости от количества ежедневных газет. Россия оказалась на десятом месте из 48 стран. Она находилась приблизительно на уровне Украины и Болгарии и гораздо ниже уровня Кипра, Турции, Албании, Беларуси и Молдовы.

4.3. Коррупция

В конце 1990-х гг. председатель Банковского комитета Палаты представителей Конгресса США того времени Джеймс Лич писал, что он провел исследование наиболее коррумпированных режимов в мире, включая режимы Маркоса на Филиппинах, Мобуту в Заире и Сухарто в Индонезии. Но даже эти режимы не идут ни в какое сравнение со «всепроникающей, недопустимой в политических кругах коррупцией» в посткоммунистической России.²⁵

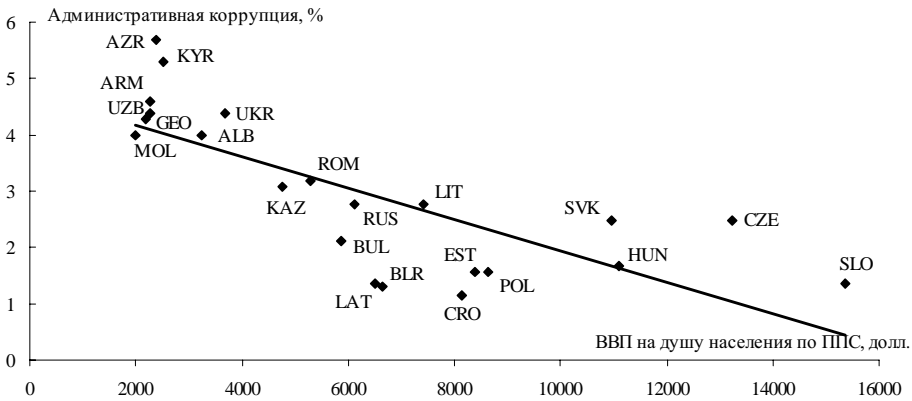
Другие оценки коррупции в России столь же суровы. Антикоррупционная правозащитная группа «Transparency International» составляет ежегодные рейтинги «восприятия коррупции» по странам на основе серии опросов в сфере бизнеса. Всемирный банк составил похожий сложный рейтинг. В обоих случаях Россия занимала положение в нижней части рейтинга. Например, по индексу «взяточничества» Всемирного банка Россия занимала в 2001 г. 142 место из 160 стран. По индексу восприятия коррупции «Transparency International» Россия находилась в 2002 г. на 71 месте из 102 стран.

А что говорят источники, в меньшей степени зависящие от оценок внешних экспертов? Летом 1999 г. Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития провели опрос руководителей предприятий в 22 посткоммунистических странах. Они попросили респондентов оценить долю ежегодных доходов, которую «такие фирмы, как ваша», обычно тратят на осуществление неофициальных выплат государственным чиновникам «с тем, чтобы продвинуть решение того или иного вопроса». Согласно анкете, подобные выплаты могли осуществляться с целью содействия подключению к предприятиям коммунального хозяйства, получения лицензий или разрешений, улучшения отношений с налоговыми инспекторами или решения вопросов, касающихся уплаты таможенных пошлин или импорта. Респонденты также должны были ответить на вопрос, насколько возможность «проплатить» принятие парламентских законов, президентских декретов, судебных решений и т.д. непосредственно повлияла на их бизнес. Таким образом, составители анкеты надеялись определить, в какой степени деятельность государственных чиновников зависит от интересов бизнеса (Hellman et al. (2000)).

На рис. 4 и 5 показано, как руководители российских предприятий ответили на эти вопросы в сравнении с их коллегами из других посткоммунистических стран. Административная коррупция очень распространена в действительно бедных республиках бывшего Советского Союза, таких как Узбекистан, Армения и Азербайджан, в меньшей степени – в России, Болгарии и Литве и еще меньше – в относительной богатых Венгрии и Словении. Россия находится прямо посередине выборки по показателям «бремя взяточничества» и «захват государства». Ответы ока-

²⁵ Leach (1999); Палата представителей Конгресса США, Комитет по банковской и финансовой деятельности, «Вступительное слово члена Палаты представителей Джеймса Лича», 21 сентября 1999 г.

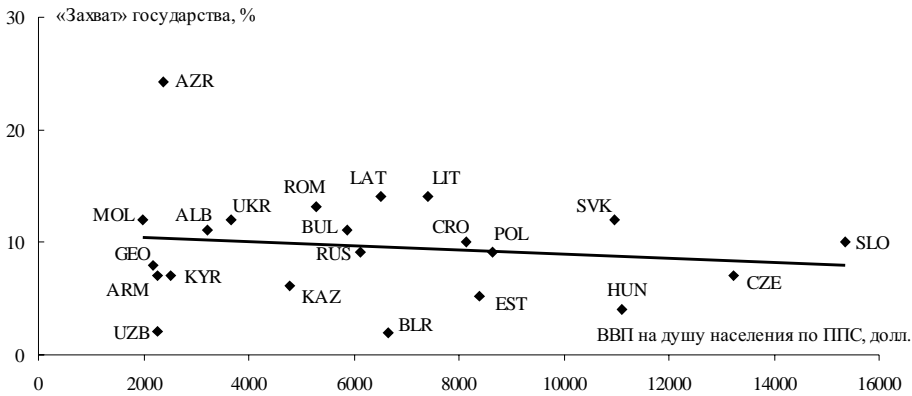
записались очень близки к оценкам, которых следовало ожидать с учетом уровня экономического развития России.²⁶

Примечание. Степень административной коррупции определяется как процент доходов, который «такие фирмы как ваша», выплачивают в виде взяток.

Источник: EBRD (1999).

Рис. 4. Административная коррупция в посткоммунистических странах, 1999 г.

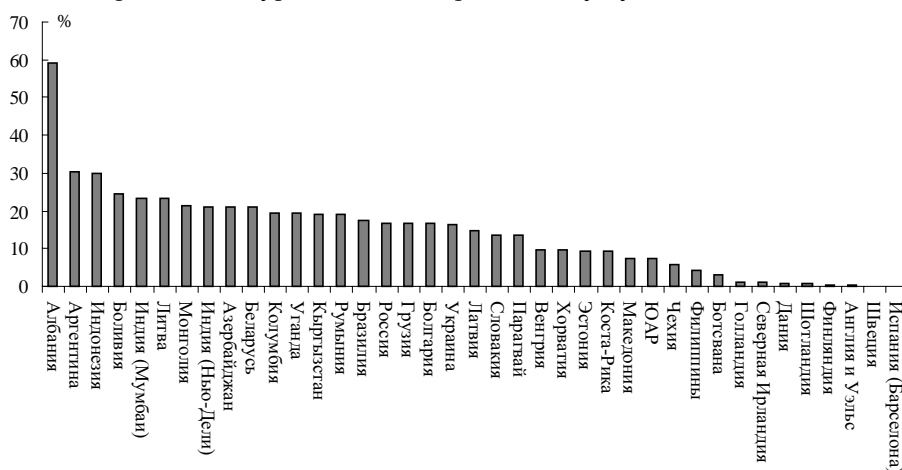
Примечание. Степень «захвата» государства определяется как процент респондентов, ответивших, что их фирмам приходится «иногда», «часто», «в большинстве случаев» и «постоянно» осуществлять дополнительные неофициальные выплаты государственным чиновникам с целью оказания влияния на содержание новых законов, декретов или постановлений.

Источник: EBRD (1999).

Рис. 5. «Захват» государства в посткоммунистических странах, 1999 г.

²⁶ В 2002 г. Всемирный банк и ЕБРР повторно провели опрос. Практически во всех странах средняя доля доходов, потраченная на взятки, снизилась – в течение этих трех лет она сократилась в России с 2.8 до 1.4%. Но ситуация в разных странах была практически одинаковой. И снова уровень административной коррупции в России оказался немного ниже, чем можно было ожидать исходя из уровня доходов в стране. К 2003 г. Россия стала менее коррумпированной страной с точки зрения показателя административной коррупции, чем Болгария и Беларусь.

В какой степени коррупция в России отражается на жизни не фирм, а простых граждан? Организация объединенных наций проводит опрос жертв правонарушений по различным странам. В 1996–2000 гг. респондентам из ряда стран, проживающим в городах, был задан следующий вопрос: «В некоторых странах существует проблема коррупции в правительственных кругах и среди государственных служащих. Приходилось ли вам *в течение последнего года* сталкиваться с тем, что какой-либо государственный служащий в вашей стране, например сотрудник таможни, полицейский или инспектор, требовал от вас взятку или ожидал, что вы ему заплатите?» Процент положительных ответов показан на рис. 6. В России он оказался близким к среднему значению для развивающихся стран со средним уровнем дохода на душу населения, в которых проводился опрос. Процент респондентов, заявивших, что за последний год от них требовали или ожидали взятку, оказался в России меньше, чем в Аргентине, Бразилии, Румынии или Литве (16.6%).²⁷ Простая регрессия показывает, что показатели России почти полностью совпадают с тем, что можно было ожидать при данном уровне ВВП страны на душу населения.

Примечание. Данные приведены по крупным городам.

Источники: United Nations (2002), Table 21; Del Frate, van Kesteren (2003).

Рис. 6. Количество респондентов, столкнувшихся со взяточничеством, 1996–2000 гг.

Если рассматривать проблемы преступности в целом, то, по данным опросов, уровень преступности в России является невысоким. Лишь 26% опрошенных в 2001 г. в Москве заявили, что в предыдущем году они

²⁷ В рамках опроса в 14 посткоммунистических странах респондентам также задавался вопрос о том, кто из государственных служащих ожидал от них взятки. Московские респонденты, как правило, указывали, что коррумпированным государственным служащим был офицер милиции (55%) (Del Frate, van Kesteren (2003)). См. также United Nations (2003), Table 21.

столкнулись с преступлениями против собственности, ограблением, сексуальным насилием, нападением или взяточничеством – по сравнению с 34% в Праге, 41% в Талине (Эстония), 44% в Рио-де-Жанейро и 61% в Буэнос-Айресе. Показатели Москвы практически такие же, как и полученные в ходе опросов городских жителей в Финляндии (26.6%), и ниже, чем показатели Англии и Уэльса (34.4%) (Del Frate, van Kesteren (2003)).

4.4. Ожидаемая продолжительность жизни и здоровье

Очевидно, что здоровье населения страны зависит не только от политических факторов. Тем не менее рост показателей смертности в России зачастую рассматривается как свидетельство неспособности государства в последние годы удовлетворить насущные потребности своих граждан.

Тенденции изменения ожидаемой продолжительности жизни действительно вызывают беспокойство и не характерны для стран, имеющих сопоставимый с Россией уровень дохода, несмотря на то что аналогичное ухудшение произошло также в других республиках бывшего Советского Союза. В период с 1990 по 1994 гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин в России снизилась с 63.8 до 57.6 лет. Затем она увеличилась до 61.3 в 1998 г., но в 2001 г. опять снизилась до 58.6. Ожидаемая продолжительность жизни женщин изменялась аналогичным образом, но не так сильно: она снизилась с 74.2 лет в 1990 г. до 71.0 в 1994 г., увеличилась до 72.9 в 1998 г. и упала до 72.1 в 2001 г. Ожидаемая продолжительность жизни как мужчин, так и женщин – на уровне 65 лет в 1993–1995 гг. – была на три года меньше среднего показателя по странам со средним уровнем дохода на душу населения согласно классификации ООН.

Чем объясняется ухудшение данного показателя? Некоторые на первый взгляд заманчивые гипотезы можно отбросить сразу же. Рост смертности не явился результатом массового обнищания и недоедания, обусловленного снижением уровня жизни в начале 1990-х гг. По словам ведущих демографов, «трудно доказать... что уровень жизни сократился в абсолютном выражении столь значительно, что это привело к резкому увеличению смертности среди населения России» (Shkolnikov et al. (1998), 2006). Даже в самой низкой точке уровень жизни в России оставался намного выше, чем во многих других развивающихся или коммунистических странах, которые имели более высокую ожидаемую продолжительность жизни. Если бы бедность была основной причиной, то следовало ожидать, что самое большое увеличение уровня смертности произойдет среди наиболее уязвимых в экономическом плане групп населения, то есть среди пожилых людей и детей. В действительности же практически все увеличение пришлось на россиян, находящихся в трудоспособном возрасте. Смертность среди детей снижалась на протяжении 1990-х гг., а уровень смертности среди пожилых людей существенно не изменился (Shkolnikov, McKee, and Leon (2001)).

В 1992–1993 гг. в рамках «Мониторинга экономического положения и здоровья населения России» не были обнаружены какие-либо свидетель-

ства серьезного недоедания. В действительности количество людей, чей вес увеличился за эти годы, превысило количество тех, кто потерял в весе. И это не явилось следствием ухудшения качества питания: «В некотором отношении пища была даже более здоровой, чем до начала реформ, по причине сокращения потребления жирных продуктов, которое было очень высоким в начале 1980-х гг.» (Shkolnikov et al. (1998)). В период 1998–2000 гг. лишь 5% населения недоедали. По этому показателю Россия находилась на четвертом месте среди республик бывшего Советского Союза, и он был ниже, чем в Бразилии (10%), Болгарии (15%), Хорватии (18%) и Венесуэле (21%).²⁸ В 1995–2000 гг. только 3% детей в России в возрасте до пяти лет имели слишком малый для своего возраста вес по сравнению с 5% в Уругвае и Венесуэле, 6% в Румынии, Македонии и Бразилии, 8% в Мексике и Турции, 14% в Сингапуре и 18% в Малайзии.

Во-вторых, рост смертности в начале 1990-х гг. (по крайней мере, не в конце 1990-х гг.) не был обусловлен ухудшением качества системы здравоохранения. Как отмечает Школьников и др., общие расходы на здравоохранение в начале 1990-х гг. сократились лишь незначительно (Shkolnikov et al. (1998), 2007). Количество врачей на душу населения, уже будучи одним из наиболее высоких в мире, в 1990-е гг. увеличилось еще больше.²⁹ Несмотря на то что «проблемы системы здравоохранения и ослабление санитарного контроля» могли привести к незначительному увеличению уровня смертности, это не могло стать основной причиной его общего изменения в начале 1990-х гг. (Shkolnikov et al. (1998); Gavrilova, Semyonova, and Evdokushina (2002), 9).

Если рассматривать другие статистические данные по состоянию здоровья, то показатели России являются неплохими по сравнению с другими странами со средним уровнем дохода на душу населения. В 1991 г. профилактические прививки против туберкулеза и кори были сделаны большему количеству детей в возрасте одного года, чем во Франции, Италии, Ирландии, Греции, Южной Корее, Чили и во многих других странах (96 и 97% соответственно) (Госкомстат России (2001); United Nations (2003)). В России был относительно высокий показатель заболевания туберкулезом (91 случаев на 100000 населения в 1999 г.), но он все же был меньше, чем в Румынии и Южной Африке. Показатель смертности среди младенцев в России, 18 смертей на 1000 новорожденных в 1992 г. и 15 в 2000 г., несмотря на то что превышает показатели развитых стран, является сопоставимым или даже более низким, чем в Эстонии (17), Аргентине (18), Румынии (19), Мексике (25) и Бразилии (32) (United Nations (2003)). При этом он сокращался на протяжении большей части десятилетия.

²⁸ Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, г. Рим, «Ситуация с продовольственной безопасностью в мире, 2002 г.», <http://www.fao.org/docrep/005/y7352e/y7352e07.htm#t>.

²⁹ В то же время российские врачи могут быть узкоспециализированными и неадекватно подготовленными (DaVanza, Grammich (2001)).

В-третьих, резкое снижение ожидаемой продолжительности жизни не может быть объяснено ухудшением экологической ситуации. Фактически уровень промышленного загрязнения в начале 1990-х гг. снизился вследствие падения объемов промышленного производства. Смертность среди детей от болезней органов дыхания не возросла (Shkolnikov et al. (1998), 2007–2008).

Так чем все-таки объясняется резкое увеличение смертности в России? В начале 1990-х гг. определенную роль, вероятно, сыграло увеличение потребления алкоголя.³⁰ Это может быть связано со стрессом, обусловленным экономической трансформацией, хотя в некоторых других странах, переживших подобный стресс, смертность вследствие злоупотребления алкоголем выросла в значительно меньшей степени или не выросла вообще.³¹ Злоупотребление алкоголем могло быть также обусловлено резким снижением относительных цен на водку в начале 1990-х гг., в результате чего увеличились продажи водки по сравнению с продажами пива. В то время как в 1990 г. россияне могли купить 26 литров пива за цену одного литра водки, к 1994 г. они могли купить лишь четыре литра пива.³² Второй всплеск смертности произошел в конце 1990-х гг., чему способствовали резкое увеличение количества случаев передозировки наркотиков и распространение ВИЧ-инфекции и туберкулеза.³³ Наличие этих проблем может свидетельствовать о слабости системы профилактики здоровья, лечения наркомании и недостаточном внимании к борьбе со СПИДом. Распространение туберкулеза связывают с переполненностью тюрем (Gavrilova, Semyonova, and Evdokushina (2002)). Вклад этих факторов в трагическую ситуацию с ожидаемой продолжительностью жизни мужчин все еще требует оценки.

³⁰ См., например, Shkolnikov et al. (1998); DaVanzo, Grammich (2001).

³¹ В работе Brainerd (1998) показано, что резкое увеличение уровня смертности в странах с переходной экономикой в начале 1990-х гг. коррелирует с темпами инфляции и уровнем безработицы, но эти корреляции не принимают во внимание изменения цен или потребления алкогольных напитков. При этом в работе не была обнаружена общая зависимость между изменением уровня смертности и скоростью реформ: в то время как уровень смертности резко увеличился в некоторых странах, быстро осуществивших реформы (странах Балтии), в других он снизился (Польше, Словении).

³² На среднемесячный доход россияне могли купить 10 литров водки в 1990 г. и 47 литров в 1994 г. (Госкомстат России (2001)).

³³ Тем не менее было бы некоторым преувеличением утверждать, как выразился недавно один комментатор, что Россия «имеет наиболее высокие показатели распространения ВИЧ-инфекции за пределами Африки» (Figes (2003)). Это было бы действительно так, если бы то же самое не было справедливо для Эстонии, Украины, Барбадоса, Багамских островов, Тринидада и Тобаго, Панамы, Белиза, Суринама, Доминиканской Республики, Гайаны, Гондураса, Гватемалы, Гаити, Таиланда и Камбоджи. Согласно последним данным (за 2001 г.), каждая из этих стран имела более высокую долю взрослого населения, зараженного ВИЧ-инфекцией. (См. United Nations (2003), Table 7.) Средний показатель распространения ВИЧ-инфекции/СПИДа для 42 стран Африки, по которым ООН представляет данные, составлял 9.1% зараженного взрослого населения. В России этот показатель равнялся 0.9%, что меньше, чем показатель зараженных во всем мире, равный 1.2%.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С началом нового тысячелетия российская экономика уже больше не страдает от дефицитов, милитаризации и разрушительной бюрократии, как это имело место в 1990 г. Она превратилась в рыночное пространство, где товары и услуги производят главным образом частные фирмы, ориентированные на потребителей, а не на плановиков. Значительная часть огромных запасов природных ресурсов страны и нестабильная банковская система контролируются несколькими магнатами бизнеса, которые активно лоббируют выгодные им политические решения. Малый бизнес страдает от коррупции и чрезмерного государственного регулирования. Однако экономика продолжает расти впечатляющими темпами.

Политическая система страны также изменилась до неузнаваемости. Диктатура одной партии уступила место выборной демократии. Некогда всемогущие в России коммунисты больше не контролируют все аспекты общественной жизни и не отправляют диссидентов в лагеря за полярный круг. Теперь они на общих основаниях борются за места в парламенте. Пресса, все еще вынужденная бороться против сильного политического вмешательства, уже не похожа на высокопарную пропагандистскую машину середины 1980-х гг. Спустя немногим более десятилетия Россия стала типичной капиталистической демократической страной со средним уровнем дохода на душу населения.

В чем тогда причины такого пессимистичного – а иногда и параноидального – взгляда на Россию? Откуда берутся громкие слова о клептократии и экономическом катаклизме? Почему российские условия зачастую изображаются как сопоставимые с условиями в Заире или Иране, а не как намного более схожие с реалиями Аргентины или Турции? Мы полагаем, что ряд факторов – психологических, информационных и явно политических – породил подобный удручающий консенсус среди западных наблюдателей.

Первый аргумент в пользу данной точки зрения понятен и даже заслуживает похвалы. Наблюдатели видели подлинные страдания россиян, выбитых из колеи переходным процессом, и выказывали им сочувствие, не вдаваясь в глубокие рассуждения. На фоне показных излишеств новых сверхбогачей положение нищих пенсионеров выглядело просто ужасающе. Первой реакцией многих на Западе было необычайно искреннее сочувствие.

Однако общей реакцией было не только сочувствие. Было также ощущение, что тягостей, с которыми столкнулись многие россияне, можно было избежать и что они явились для многих реформаторов сюрпризом. Многие наблюдатели были не просто шокированы, они были разочарованы. Они ожидали намного большего и связывали беспорядок и несправедливость в постсоветской России с некомпетентностью или злым умыслом ее правительства.

Почему наблюдатели были *удивлены*? Вероятно, этому способствовало несколько факторов. Во-первых, многие западные наблюдатели изначально

но имели неверное представление по главному вопросу. Они полагали, что в начале 1990-х гг. Россия была если не процветающей, то, во всяком случае, высокоразвитой страной. Фактически, как уже было отмечено, доход на душу населения в России равнялся около 8000 долл. в год, что составляет примерно половину уровня Гонконга или Великобритании и треть от уровня США. Но, даже имея великолепных физиков и шахматистов, осуществляя программу космических исследований и оказывая военное давление в мировом масштабе, Россия не выглядела как типичная страна со средним уровнем дохода на душу населения. Такое же заблуждение лежало и в основе работ некоторых ученых. В одной из последних работ, например, приводится удивительное наблюдение, что, несмотря на несовершенство институтов, обеспечивающих верховенство закона во всех странах, «между Россией и большинством других развитых капиталистических стран существовало качественное различие» (Hoff, Stiglitz (2002)). Качественное различие действительно существовало. Россия никогда не была «развитой капиталистической страной».

Даже те, кто не испытывал иллюзий относительно богатства России, зачастую проявляли недостаточное внимание к не всегда безгрешной политике и экономике стран со средним уровнем дохода на душу населения. Некоторые представители корпуса прессы в Москве прежде работали в странах Латинской Америки или Азии. Но многие сошли с трапа самолета, прилетевшего из Лондона или Нью-Йорка, не имея ни малейшего представления о том, как бюджетные вопросы решаются в Аргентине или как бизнесмены обходят конкурентов в Южной Корее. Они, как правило, сопоставляли Россию с идеализированной картиной того, как *должна* функционировать капиталистическая демократическая страна, а не с тем, как в действительности функционируют менее развитые страны. Административная коррупция, организованная преступность, финансовые кризисы, гиперинфляция и закулисные политические сделки – все это рассматривалось как отклонение.

Но были и три менее благородных мотива интересоваться темными сторонами российской действительности. Во-первых, определенную роль сыграла погоня за настоящей сенсацией. Западное общество было весьма обеспокоено ситуацией в России, учитывая наличие в ней ядерного оружия, историю холодной войны, эксцентричного президента, могущественных олигархов и ожесточенную войну в Чечне. Редакторы газет и телевизионные продюсеры понимали, что они могут заработать деньги на эксплуатации подобных страхов. Во-вторых, левые интеллектуалы обнаружили в России подходящий образ для своей собственной кампании против глобализации. Поскольку российские лидеры используют рыночную риторику и проводят рыночные реформы, то трудности первых лет трансформации в стране выглядят для сторонников государственного вмешательства в экономику на Западе как лучшее доказательство опасностей чрезмерной либерализации. Многие видели более многообещающую альтернативу в китайской комбинации рыночных отношений, государствен-

ной собственности и жесткого политического контроля, игнорируя провал политики «градуализма» в Беларуси, Украине и Советском Союзе при Горбачеве.

Но что, возможно, самое главное, Россия стала поводом для своего рода футбольного матча в американской политике. В конце 1990-х гг. взгляды крайне левых и правых республиканцев на результат этого матча странным образом сблизилась. И те, и другие в силу различных причин испытывали неприязнь к Администрации президента Клинтона. Одним из направлений критики Клинтона, а заодно и его правой руки Эла Гора, вице-президента и кандидата в президенты, отвечающего за связи с Россией, стала его политика в отношении России. Президент Клинтон всесторонне поддерживал Ельцина в течение двух сроков своего пребывания у власти (Talbot (2002)). Таким образом, делая более умный ход в рамках предвыборной кампании, республиканцы приняли на вооружение критику России со стороны антиглобалистов и сделали так, чтобы она выглядела как их собственная.³⁴ Придя к власти, республиканцы пошли дальше. Президент Буш провозгласил политику, которая была столь же радушной и завязанной на личных отношениях, как и сильно критикуемые отношения между Клинтонем и Ельциным. Встречаясь с президентом Путиным в Словении в июне 2001 г., Буш заявил, что необходимо «смотреть человеку в глаза» и «чувствовать его настроение»³⁵. В то время как левые продолжали яростно критиковать переходный процесс в России, правые большей частью от этого отказались.

Что же ожидает Россию в будущем? Некоторые считают, что высокие темпы экономического роста за последние четыре года свидетельствуют о том, что экономика будет развиваться и дальше и что Россия вскоре покинет группу развивающихся стран со средним уровнем дохода на душу населения и перейдет в группу бедных развитых стран, таких как Венгрия и Польша. Они делают акцент на высоком уровне развития человеческого капитала в стране, реформированной налоговой системе и преимущественно открытой экономике. Другие видят серьезное препятствие на пути экономического роста в сохраняющемся политическом влиянии крупных компаний и связанном с этим отходом от проблем малого предпринимательства. Они полагают, что в результате этого Россию ожидает стагнация. Любой сценарий вполне может реализоваться: и тот, и другой зачастую имеют место в таких странах, как Россия.

Фактически представление о России как нормальной стране со средним уровнем дохода на душу населения предполагает невозможность осуществления крайних сценариев. Россия, по-видимому, является достаточно развитой страной, чтобы сохранить демократию, несмотря на то что,

³⁴ Свидетельство этого см. в отчете Комитета Кокса, выпущенном группой конгрессмена – члена Республиканской партии в разгар предвыборной кампании в США, который представляет собой яростную атаку на политику Клинтона в отношении России.

³⁵ CNN, «Стенограмма пресс-конференции Дж. Буша и В. Путина», 18 июня 2001 г., <http://www.cnn.com/2001/WORLD/europe/06/18/bush.putin.transcript/>.

по меньшей мере, в обозримом будущем она останется несовершенной. Политики вполне могут прибегнуть к манипуляциям в ходе политического процесса с тем, чтобы остаться у власти, и, по всей вероятности, возможен некоторый откат назад. Россия, по-видимому, в достаточной степени разрушила остатки централизованного планирования, чтобы стать страной с рыночной экономикой, хотя и с несовершенными институтами и чрезмерным неэффективным государственным вмешательством. Бюрократия в стране останется коррумпированной, хотя, как и в других странах, она станет менее коррумпированной по мере того, как Россия будет становиться более богатой страной с развитой демократией. Вероятно, что в стране будут происходить финансовые кризисы, этнические конфликты и нарушения в ходе выборов, но со временем их будет все меньше и меньше.

Тот факт, что Россия – *всего лишь* нормальная страна, возможно, разочарует тех, кто надеялся на большее. И это служит слабым утешением для тех, у кого нет выбора, кроме как продолжать переносить тяготы жизни в типичной демократической стране со средним уровнем дохода на душу населения. Но то, что на сегодняшний день Россия в целом освободилась от своего прошлого, что она больше не является «империей зла», угрожающей и своему народу, и остальному миру, – значительное достижение, которое достойно восхищения.

ЛИТЕРАТУРА

Госкомстат России (2001) *Российский статистический ежегодник 2001*, Москва, Госкомстат России.

Amaral, R., Guimaraes, C. (1994) Media Monopoly in Brazil, *Journal of Communication*, Autumn, 26–38.

Aron, L. (2002) Structure and Context in the Study of Post-Soviet Russia: Several Empirical Generalizations in Search of a Theory, *American Enterprise Institute Working Paper*.

Aslund, A. (2001) *Building Capitalism*, Cambridge, Cambridge University Press. (Рус. перев. – Ослунд А. (2003) *Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего Советского блока*, Москва, Логос. – Здесь и далее – прим. перев.)

Aslund, A. (2003) *Moscow Thrives*, memorandum.

Blanchard, O., Kremer, M. (1997) Disorganization, *Quarterly Journal of Economics*, 112, 1091–1126. (Рус. перев. – Бланшар О., Кремер М. (2000) Дезорганизация, *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, 4, 137–174.)

Boone, P., Rodjonov, D. (2001) *Rent Seeking in Russia and the CIS*, paper presented at the 10th anniversary conference of the European Bank for Reconstruction and Development, London, December.

Brainerd, E. (1998) Winners and Losers in Russia's Economic Transition, *American Economic Review*, 88, 1094–1116.

Claessens, S., Djankov, S., and Lang, L. (1999) The Separation of Ownership and Control in East Asian Corporations, *Journal of Financial Economics*, 58, 81–112.

- DaVanzo, J., Grammich, C. (2001) *Russia's Mortality Crisis: Drinking, Disease, and Deteriorating Health Care*, Santa Monica, Rand Corporation.
- Del Frate, A., van Kesteren, J. (2003) Some Preliminary Tables From the International Crime Victim Surveys, *Criminal Victimization in Urban Europe*, Turin, United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute.
- Djankov, S., McLiesh, C., Nenova, T., and Shleifer, A. (2003) Who Owns the Media, *Journal of Law and Economics*, 46, forthcoming.
- EBRD (1999) *Transition Report 1999: Ten Years of Transition*, London, European Bank for Reconstruction and Development.
- Economist (2000a) *Economist*, July 8, 17.
- Economist (2000b) *Economist*, June 24, 20.
- Economist (2002) *Economist*, December 14, 38.
- Faccio, M. (2003) *Politically-Connected Firms*, Vanderbilt University, mimeo.
- Figes, O. (2003) In Search of Russia, *New York Review of Books*, October 23, 39.
- Gastil, R. (1979) *Freedom in the World*, Washington, Freedom House.
- Gastil, R. (1992) *Freedom in the World 1991–1992*, Washington, Freedom House.
- Gavrilova, N., Semyonova, V., and Evdokushina, G. (2002) *Mortality Crisis in Russia: New Health Threats*, University of Chicago, Center on Aging, manuscript.
- Goldman, M. (2003) *The Piratization of Russia: Russian Reform Goes Awry*, New York, Routledge.
- Hellman, J.S., Jones, G., Kaufmann, D., and Schankerman, M. (2000) *Measuring Governance Corruption and State Capture: How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economies*, London, European Bank for Reconstruction and Development.
- Hoff, K., Stiglitz, J.E. (2002) After the Big Bang? Obstacles to the Emergence of the Rule of Law in Post-Communist Societies, *NBER Working Paper*, 9282.
- IMF (2002) *International Financial Statistics*, Washington, International Monetary Fund.
- Johnson, S., Kaufmann, D., and Shleifer, A. (1997) The Unofficial Economy in Transition, *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 159–221.
- Johnson, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2000) Tunneling, *American Economic Review*, 90, 2, 22–27.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (1999) A Corporate Ownership Around the World, *Journal of Finance*, 54, 471–517.
- Leach, J.A. (1999) The New Russian Menace, *New York Times*, September 10.
- Milanovic, B. (1998) *Explaining the Growth in Inequality During the Transition*, Washington, World Bank.
- Murphy, K., Shleifer, A., and Vishny, R. (1992) The Transition to a Market Economy: Pitfalls of Partial Reform, *Quarterly Journal of Economics*, 107, 889–906.
- New York Times (2000) *New York Times*, October 29, 12.
- Park, M.-J., Kim, C.-N., and Sohn, B.-W. (2000) Modernization, Globalization, and the Powerful State: The Korean Media, J. Curran, M.-J. Park (eds), *De-Westernizing Media Studies*, New York, Routledge.
- Shkolnikov, V., Cornia, G., Leon, D., and Mesle, F. (1998) Causes of the Russian Mortality Crisis: Evidence and Interpretations, *World Development Report*, 26, 11, 1995–2011.
- Shkolnikov, V., McKee, M., and Leon, D. (2001) Changes in Life Expectancy in Russia in the Mid-1990s, *Lancet*, 357, 9260, March, 917–921.

Stiglitz, J. (2002) *Globalization and Its Discontents*, New York, W.W. Norton. (Рус. перев. – Стиглиц Д.Ю. (2003) *Глобализация: тревожные тенденции*, Москва, Мысль.)

Talbott, S. (2000) *The Russia Hand*, New York, Random House.

United Nations (2003) *Human Development Report 2002*, New York, United Nations.

Waisbord, S. (2000) Media in South America: Between the Rock of State and the Hard Place of the Market, J. Curran, M.-J. Park (eds), *De-Westernizing Media Studies*, New York, Routledge.

Ware, R. (1998) Democracy in Russia, *House of Commons Research Paper*, London.

Whitaker, C. (2000) Brazil's Free Elections, *Le Monde Diplomatique*, September.

World Bank (2000) *Entering the 21st Century: The Changing Development Landscape: 1999/2000 World Development Report*, Washington, World Bank. (Рус. перев. – Всемирный банк (2000) *На пороге 21 века: Доклад о мировом развитии 1999/2000 года*, Москва, Весь мир.)